

ВОПРОСЫ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЯН

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.11

EDN: LSRAYG

Идентичность калмыцкого этноса: внутренние и внешние контуры¹

Ссылка для цитирования: Бадмаев В. Н., Уланов М. С., Кальдинова Г. П. Идентичность калмыцкого этноса: внутренние и внешние контуры // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 2. С. 206–221. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.11; EDN: LSRAYG.

For citation: Badmaev V. N., Ulanov M. S., Kaldinova G. P. The Identity of the Kalmyk Ethnic Group: Internal and External Contours. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 206–221. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.11; EDN: LSRAYG.

SPIN-код: 5563-5510

Бадмаев Валерий Николаевич¹

¹Южный научный центр РАН,
Ростов-на-Дону, Россия

badmav07@yandex.ru

SPIN-код: 9613-6611

Уланов Мерген Санджиевич¹

¹Южный научный центр РАН,
Ростов-на-Дону, Россия

ulanov1974@mail.ru

SPIN-код: 4046-3390

Кальдинова Галина Павловна¹

¹Институт комплексных исследований аридных территорий,
Элиста, Россия

gala758@yandex.ru

¹ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 24-48-03004.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, нацеленного на выявление современного состояния идентичности калмыцкого этноса, ее внутреннего и внешнего контуров. Внутренний контур образован сочетанием этнокультурного и гражданского уровней идентичности и обеспечивает высокую включенность национально-регионального сообщества в общероссийский контекст, имеющий принципиально важное значение для консолидации всего российского общества. В свою очередь внешний контур связан с наличием у калмыцкого этноса культурно-конфессиональных центров притяжения за пределами Российской Федерации (Монголия, Китай). Конфессиональная, цивилизационная и этнокультурная идентичность калмыков выходит за пределы российского социокультурного пространства, включая в себя исторические связи с буддийским и монгольским мирами. Это делает калмыцкий этнос (так же, как бурятский и тувинский) своеобразным связующим звеном, цивилизационно-культурным мостом между Россией и Востоком, Россией и Азией.

Несмотря на территориальную и страновую локализацию/разобщенность (Монголия, Китай, Россия), глобальные процессы деэтнизации и культурно-интеграционного нивелирования, монголы мира продолжают сохранять свою общую культурную и историко-генетическую идентичность, демонстрируя уникальный пример надгосударственного и надграницного единства. Процессы глобализации ставят перед многочисленными цивилизационно близкими по языку, религии, истории и культуре монгольскими народами новые вызовы, связанные с осознанием национальной идентичности, поддержанием сплоченности и единой системы ценностных ориентаций в условиях полицентричного мира.

Ключевые слова: этническая идентичность, калмыцкий этнос, Республика Калмыкия, монгольские народы, монгольский мир, буддийский мир

Введение

Проблематика этнокультурной идентичности в наши дни активно обсуждается в российском научном и общественном дискурсе. Повышенный интерес к ней объясняется не только многонациональностью российского общества, «евразийством» российской культуры, но и глобальными изменениями мирового ландшафта – его полицентричностью, динамичностью культурных коммуникаций, усилением взаимовлияния региональных, локальных и глобальных процессов.

Теме идентичности калмыцкого этноса и ее социологического изучения сегодня уделяется немало внимания в работах региональных исследователей [5; 9; 11; 12; 13], посвященных таким вопросам, как этническая самоидентификация студенческой молодежи Калмыкии, этнокультурное многообразие и межэтнические отношения в регионе, этническая принадлежность и владение родным языком.

Так, Б. М. Мунянова, основываясь на результатах социологического опроса студентов профессиональных учебных заведений начального, среднего и высшего государственного и негосударственного образования Калмыкии, делает вывод, что «этническая самоидентификация калмыцкой студенческой молодежи осуществляется в русле моноэтнической идентификации. Она имеет высокий уровень национального самосознания, позитивный этнический статус, стремится к освоению национальных обрядов,

духовных практик, гордится своей историей. Стремление к этнической идентичности детерминируется не только внутренним самосознанием народа, но и влиянием традиционных для России ценностей общественной жизни» [11, с. 67].

В свою очередь калмыцкие исследователи Г. П. Кальдинова и А. М. Нуксунова отмечают неоднозначность процессов этнической самоидентификации у студенческой молодежи Калмыкии: «Налицо противоречивые тенденции: с одной стороны, усиление интереса к этнической составляющей культуры, с другой – постепенная утрата основных этнических маркеров (языка, традиций, хозяйственно-бытового уклада)» [9, с. 23].

Л. В. Намруева, проанализировав данные анкетных опросов 2017 и 2020 г., нацеленных на изучение интенсивности проявления этнической идентичности у современных калмыков, влияния культурных факторов на идентификационные процессы и состояния калмыцкого языка в республике, приходит к заключению, что «этническая принадлежность [у калмыков] актуализируется, становясь важной составляющей личности», но происходит это на фоне низкого уровня либо отсутствия языковой компетентности. Иными словами, «при возрастании потребности в этнической принадлежности роль языкового фактора не является определяющей» [12, с. 199, 201].

В 2025 г. авторами настоящей статьи было предпринято собственное исследование, цель которого заключалась в оценке современного состояния идентификационных процессов у представителей калмыцкого этноса. В рамках него, помимо традиционных маркеров этнической идентичности: языка, религии, традиций, культуры, – изучались также буддийский и монгольский векторы идентификации, составляющие внешний контур калмыцкой идентичности. Стоит особо отметить, что социологическое рассмотрение последнего проводилось впервые.

Теоретико-методологическая и эмпирическая база исследования

Теоретическую основу исследования составила идея множественности идентичности (Э. Эриксон, Ф. Барт), трактуемой как социальный конструкт (П. Бергер, Т. Лукман). Также авторы опирались на результаты исследований, проведенных ранее учеными Института социологии РАН [15; 16; 18], в которых раскрываются практические реалии и содержательный фундамент общероссийской идентичности, ее региональной и этнокультурной составляющей.

Общероссийская идентичность базируется на принципе идентификационной многовекторности, предполагающей органичную связь этнокультурной и конфессиональной идентичностей с государственной и гражданской. Именно это обуславливает ее гибкость, подвижность, динамичность, многоуровневость, множественность и контекстуальность. Идентичность не является раз и навсегда заданной, ей свойственна изменчивость вместе

с ее носителем (личностью, этносом, обществом и т. д.). Идентичностью обладают как группы, так и индивиды. При этом следует говорить о том, что они обладают множественной и многоуровневой идентичностью (территориальной, национальной, культурной и др.), отдельные аспекты которой взаимно дополняют друг друга. Идентичность является предметом выбора, характеризуется незаконченностью, контекстуальностью. Вместе с тем этот «выбор» не совсем свободен, ибо осуществляется в определенном социальном контексте, где задан не только спектр альтернатив, но и набор различных социальных практик

Модель общероссийского цивилизационного поля, основанная на признании равных прав за различными культурными, этническими и конфессиональными общностями, обеспечивает максимальное сохранение их самобытности, делает возможной структурную адаптацию к единому общероссийскому социокультурному пространству и способствует формированию конструктивных механизмов взаимодействия, в ходе которого возникают взаимопонимание и принятие «другого».

Данная модель предполагает выстраивание полиэтничной и поликультурной макросоциальной общности, представители которой являются носителями двойной невзаимоисключающей идентичности (культурно-этнической и государственно-гражданской), что, в свою очередь, способствует укреплению российского государства [2, с. 36]. Здесь уместно вспомнить формулу патриотического «симбиоза» народов, предложенную русским социальным мыслителем И. А. Ильиным: «я римлянин, и притом галл», «я русский, и притом калмык» [8, с. 244–245]. В наши дни схожую позицию отстаивает ак. В. А. Тишков: «Москве или некоторым упертым имперцам не удастся убедить татар, чеченцев, якутов и представителей других этнических общностей отказаться от этнонационального исключительно в пользу общероссийского (то есть стать только россиянами, позабыв при этом быть татарами и т. д. по списку российских национальностей), тем более что все жители страны не могут стать русскими» [19, с. 97]. Именно в этом и заключается глубинный смысл государственной национальной политики России, цель которой – «укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (русской нации) и общероссийской гражданской идентичности (гражданского самосознания) при сохранении этнокультурного и языкового многообразия для обеспечения развития страны, ее государственной и территориальной целостности, внутренней политической и социальной стабильности»¹.

В рамках проведенного исследования мы обратились к тематике «монгольского мира» и «монгольской цивилизации», которой уделяется достаточно большое внимание в современном научном дискурсе (см.: [6; 7; 10; 17]). Согласно определению Ю. В. Попкова, «монгольский мир – это социокультурный мир монгольских народов и диаспор, обитающих в пределах своей исторической родины и территорий исторического освоения. Ядерным локусом монгольского мира является Монголия, а его спут-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 25.11.2025 г. № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года».

никами – островки монгольского мира в лице Внутренней Монголии, Бурятии, Калмыкии, а также диаспоры монголов и других монголоязычных народов в разных странах» [10, с. 24–25]. Более детальное описание территориального состава «монгольского мира» дается в коллективной монографии «Россия и Монголия: цивилизационные аспекты модернизации (сравнительный анализ)», подготовленной исследователями из Института социологии РАН: «это Монголия, а также ее далекие и близкие соседи, «находящиеся сейчас в составе России и Китая – Бурятия, Внутренняя Монголия, Тува, Алтайский край, а также Калмыкия, Синьцзян, Ганьсу, Цинхай, Тибет и некоторые другие республики, округа, районы и провинции». Вместе они образуют «гигантский регион Евразии со своей общей историей... Каждый из этих соседей имеет и свою собственную историю, судьбу, свой вектор развития, свой интерес к Монголии» [17, с. 30]. По сути, речь идет о сформировавшихся вокруг Монголии зонах полицивилизационного пространства.

Идентичность калмыцкого этноса рассмотрена нами в контексте двух контуров – внешнего и внутреннего. Мы обратились к понятию «контур» для обозначения общих очертаний, направлений, векторов, которые задают направление и границы идентификационных процессов в калмыцком этносе. Контур в данном случае понимается нами, прежде всего, как методологический инструментарий, как методологическая рамка для анализа такого сложного и многогранного феномена как идентичность.

Эмпирическая база исследования

Эмпирической базой исследования послужили материалы формализованного интервью по стандартизированной анкете, проведенного летом–осенью 2025 г. среди постоянных жителей Республики Калмыкия. Всего было опрошено 1009 чел., отобранных методом многоступенчатой комбинированной выборки с квотами по возрасту, полу и месту проживания в соответствии со статистическим данным о населении Калмыкии в 2024 г. В опросе принимали участие граждане калмыцкой национальности 18 лет и старше, проживающие в г. Элиста и всех 13 районах республики.

Вопрос о национальности был включен в социально-демографический блок анкеты. Этот вопрос, так же как и вопросы о месте проживания, возрасте, был маркером для отбора респондентов.

По *полу* респонденты распределились следующим образом: мужчины – 48,1%, женщины – 51,9%; по *возрасту*: 18–24 лет – 14,3%, 25–34 лет – 17,2%, 35–44 лет – 20,9%, 45–59 лет – 24,1%, 60 лет и старше – 23,5%; по *уровню образования*: среднее – 8,9%, среднее специальное – 16,8%, высшее и незаконченное высшее – 72,1%, поствузовское (аспирантура, докторантура) – 2,1%; по *месту проживания*: г. Элиста – 37,4%, районные центры и сельская местность – 62,5%.

Опросный инструментарий включал семь основных блоков: «Идентичность», «Монгольский мир», «Язык», «Религия», «Традиции», «Россия и буддийский мир», «Россия и монгольский мир». Для выявления идентич-

ностей использовалась методика выбора «мы-идентификаций», по итогам заполнения которой респондент включался в ту или иную этническую, религиозную и культурную общность. Уровень идентичности и отношение к ее составляющим (языку, традициям, этничности, истории) измерялись по методике «идеологемы»: опрашиваемому нужно было отметить те суждения из предложенного списка, с которыми он согласен.

Результаты исследования

Блок 1. «Идентичность»

На вопрос о личной идентичности «Кем Вы себя считаете?» (Респонденты должны были ранжировать предложенные варианты в порядке от самого важного до менее важного) почти половина ответила, что считает себя гражданами России (49,6%), калмыками (49,8%) и буддистами (43,4%); 24,4% отнесли себя к монголам, а 32% – к ойратам¹.

Данная постановка вопроса о личной идентичности связана с нашим тезисом о множественности и контекстуальности самой идентичности. Причем самоидентификация респондентов одновременно как калмыков, монголов и ойратов абсолютно не противоречива, а носит уточняющий, конкретизирующий характер, исходя из многоуровневости их идентичности.

Такое распределение ответов согласуется с результатами опроса, проведенного нами в 2018–2019 гг.² Тогда более половины (52,2%) определили себя как россияне, а 38,9% связывало свою идентичность с этнической принадлежностью [3]. При этом жители республики не противопоставляли общероссийскую, региональную, этническую и религиозную идентичности. Напротив, общероссийская идентичность выступала важным консолидирующим фактором и превалировала в системе идентификационных настроений.

Из списка общностей, с которыми респонденты себя соотносят, чувствуют, что они им близки, чаще всего выбирались варианты: с родителями, родственниками – 48,5%, с людьми одного поколения, сверстниками – 39,4%, с калмыками – 35,5%, с россиянами – 33,1%.

В плане этнокультурной принадлежности свыше половины (57,4%) причислили себя к представителям монголоязычного народа, причем более 60% из них – люди старше 35 лет. В качестве основания для такого причисления большинство (42,9%) назвали принцип «крови» – родители, семья. Однако были и те, кто обосновал свой выбор знакомством с монгольской культурой (фольклором, историей, музыкой, песнями, танцами, фильмами) – 22,8% или интересом к истории Монгольской империи и деятельности Чингис-хана – 18,9%.

¹ Ойраты – предки современных калмыков, до XVI в. проживавшие в Западной Монголии.

² В ходе исследования были опрошены жители всех районов Республики и г. Элисты (1001 чел.) [3].

На вопрос «Что значит быть представителем монголоязычных народов?» более половины опрошенных ответило «чувствовать принадлежность к монгольским народам» (56,1%) и «гордиться историей и культурой монгольских народов» (54,4%). 45,7% полагают, что это значит «сохранять обычаи, традиции, культуру монголов», 44,6% – «жить в регионе проживания монгольских народов (Бурятия, Калмыкия)», 38,8% – «соблюдать религиозные (буддизм, шаманизм, тенгрианство) традиции монголов».

Блок 2. «Монгольский мир»

Отвечая на вопрос «Что вы думаете о таком феномене, как единый монгольский мир, единая монгольская идентичность?» – 40,4% опрошенных заняло умеренно скептическую позицию: по их мнению, «это правда, [но лишь] отчасти; монгольские народы мира (Монголии, Китая, России) имеют различия». Вполовину меньше (20,5%) полагают, что «это правда, единый монгольский мир есть», а в общей сложности около 14% отрицают его наличие: «это вымысел, метафора, единого монгольского мира нет; монгольские народы мира (Монголии, Китая, России) принципиально отличаются между собой» (7%) и «это осталось в прошлом, в истории» (7%). Без малого четверть опрошенных (24,4%) затруднилась ответить.

Среди тех, кто признает наличие единого монгольского мира (занявших умеренно скептическую (40,4%) и уверенную (20,5%) позицию), 65,3% считают, что он основывается на общей исторической памяти, 55,4% – на общем генетическом происхождении и общей крови, 49,2% – на общей культуре, 48,6% – на общей религии, 43,6% – на общих традициях, 43,5% – на общей этнической идентичности, 35,7% – на общности языка, 35,6% – на общих ценностях.

С утверждением, что «все современные монголоязычные народы мира – один народ», полностью согласились 18,1%; 52,9% готовы признать это лишь отчасти, так как, по их мнению, между современными монголоязычными народами «имеются небольшие различия»; 16,2% полагают, что «монгольские народы мира сильно различаются»; 12,8% затруднились ответить.

На вопрос «Как вы думаете, тот факт, что монгольские народы мира проживают в разных государствах (Россия, Монголия, Китай), затрудняет единую общемонгольскую идентичность?» 53,4% респондентов ответили, что «нет, границы никак не влияют на единую общемонгольскую идентичность», а 46,6% считают, что «да, затрудняет».

Калмыцкий этнос территориально является самым западным монгольским народом (территориально, относительно других монгольских народов мира), поэтому в бланк интервью был включен вопрос: «Можно ли говорить о том, что калмыки сохраняют свою идентичность, историко-культурные связи с монгольским миром?». Большинство (41,9%) ответили утвердительно, согласившись, что да, сохраняют; 39,2% выразили частичное согласие; те же, кто думает, что «калмыцкий этнос теряет свою культуру, свою идентичность», остались в меньшинстве – 18,8%.

Таким образом, ответы респондентов подтверждают теоретические утверждения российских исследователей о существовании феномена монгольского мира.

Блок 3. «Язык»

«Монгольские языки распространены в Монголии, автономном районе Внутренняя Монголия и ряде провинций КНР (Хэйлунцзянь, Синьцзянь, Цинхай), России (Бурятия, Калмыкия) и отдельных районах Афганистана. У монголов, бурят и калмыков (ойратов) с XIII в. существовал единый литературный язык – старописьменный монгольский, которым до сих пор пользуются монголы КНР. Общее число говорящих на них – более 6 млн чел.» [20, с. 10]. Калмыцкий язык принадлежит к крайней западной ветви монгольских языков. Существует несколько вариантов его названия: ойрат-калмыцкий, монгольско-калмыцкий, западно-монгольский, язык поволжских (приволжских) ойратов [14, с. 73].

Из всех опрошенных только 14,1% признались, что свободно владеют калмыцким языком, и еще 20,5% могут кое-как объясниться на нем. Около четверти (24,1%) понимают речь на калмыцком, чуть менее трети (27,9%) знают от силы несколько слов и выражений, а 13,4% не знают родного языка вовсе.

Больше всего свободно владеющих калмыцким среди людей старше 60 лет – 24,9%; среди 45–59-летних таковых 16,9%, среди 35–44-летних – 10,4%, а среди молодежи 18–24 лет – всего 5,6%. Из тех, кто лишь понимает речь на калмыцком, большинство (34%) – это молодые люди 18–24 лет, доли представителей более старших возрастных групп по этому признаку варьируются в диапазоне 21,8–23,7%. Довольно интересно распределились по возрастным группам те, кто совсем не знает калмыцкий язык: 16,6% – 35–44-летние, 15,5% – 25–34-летние, 14,8% – 60-летние и старше, 10,7% – 45–59-летние и 8,3% – 18–24-летние.

Подавляющее число опрошенных хотели бы, чтобы их дети говорили на родном (калмыцком) языке – 84,4%. Оставшиеся 15,6% полагают, что «это неперспективно; важнее изучать иностранные (английский, китайский) языки». Со времен опроса 2018–2019 гг. доля желающих, чтобы их дети говорили на калмыцком, уменьшилась, но всего на 3% [4]. Это позволяет заключить, что в республике наблюдается устойчивый эксплицитный интерес и тенденция к сохранению родного языка.

Ответы на вопросы блока 3 согласуются с ответами на вопрос о личной идентичности респондентов, из которых 49,8% признали себя калмыками. В этой связи невольно вспоминаются слова М. Хайдеггера о том, что язык является одним из важнейших маркеров идентичности и выступает как «дом бытия», в данном случае – бытия этноса.

Блок 4. «Религия»

Более половины (52,6%) считают себя верующими и иногда соблюдают обряды, молятся. Доля верующих, но не соблюдающих обряды составила 20,2%, а глубоко верующих, постоянно соблюдающих обряды и посещающих храмы – 18,0%.

Наибольшая часть в той или иной степени верующих исповедует буддизм – 82,6%. На долю последователей православия, ислама и шаманизма пришлось соответственно 14,6%, 2,4% и 0,4%. Такое распределение религиозных предпочтений согласуется с широко распространенным в калмыцком обществе мнением, что «калмык по определению является буддистом» и в то же делает понятным, почему буддийская религия выступает одним из важнейших элементов внешнего контура идентичности калмыцкого этноса (см. об этом ниже).

Тем, кто верует, вера дает надежду и опору в жизни (59,9%), помогает духовно развиваться (42,6%), почувствовать сопричастность своему народу (36,1%) и придает жизни смысл (31,3%).

Приведенные данные наглядно демонстрируют, что религия продолжает занимать важное место в идентичности жителей республики, несмотря на происходящие в современном мире процессы секуляризации, технологизации и рационализации. Для большинства верующих религия связана в первую очередь с общечеловеческими и экзистенциальными ценностями – верой, надеждой, жизнью.

Блок 5. «Традиции»

Более половины опрошенных (56,2%) сообщили, что в семье стараются в основном соблюдать калмыцкие традиции и обычаи, четверть (25,3%) делают это всегда. Тех же, кто соблюдает традиции лишь частично или не соблюдает вовсе, так как не знает их, оказалось меньшинство – 10,5% и 7% соответственно.

Большинству (50,9%) верность традициям не мешает одновременно пользоваться современными благами цивилизации. Еще 15% согласились, что в повседневной жизни вполне возможно совмещать ценности традиционной и современной культуры. За частичное совмещение высказались 12% («времена меняются, некоторые традиции становятся неактуальными, но основных традиций нужно придерживаться»), и столько же считают, что не у всех может быть желание их совмещать.

Отвечая на вопрос о наличии новых успешных гибридных формах идентичности монгольских народов, которые сочетали бы в себе исторические традиции и современные культурные и технические процессы, 59,8% признали, что сегодня этнический стиль проявляется во многих современных формах культуры: моде, музыке, танцах, дизайне, архитектуре. В качестве примеров такого современного культурного синтеза были названы¹: производство продуктов питания (кумыса, сыров), ношение национальных костюмов, проведение праздничных обрядов (свадеб и т. п.); национальные песни и танцы в современной аранжировке, стилизованная

¹ Далее приводится список ответов на открытый вопрос.

современная модная одежда с национальными элементами, современная архитектура в национальном стиле, национальная кухня с некоторыми изменениями под вкус современного человека; современные калмыцкие бренды стилизованной одежды с этническим уклоном и элементами национального калмыцкого костюма; украшения и аксессуары на калмыцкую тематику; специализированные магазины одежды с принтами в виде калмыцкой и буддийской символики; видео- и аудио уроки, создаваемые пропагандистами родного языка, словари, мультфильмы на калмыцком языке; калмыцкие танцы и песни, сочетающие в себе как традиционные движения и мелодию, так и современные элементы; старые калмыцкие песни, перепетые в современной аранжировке, старинная музыка, переписанная на современный лад; традиционные этнические стили, восточные стили в архитектуре зданий, частных домов, общественных остановок и т. д.; здания, построенные с элементами буддийской архитектуры и окрашенные в соответствующие цвета, муралы и т. д. 36,7% затруднилось ответить на этот вопрос.

Без малого половина участников интервью (46,5%) согласилась, что современные мировые процессы (такие как глобализация и цифровизация) ослабляют роль этнических культур и языков; 18,1% не согласились, 35,4% отнеслись к данному тезису нейтрально.

Ответы на вопросы блока 5 позволяют сделать вывод о наличии у жителей Калмыкии (при всей их очевидной включенности в практики современного глобального технологизированного мира) запроса на сохранение культурной самобытности и национальных традиций. Это согласуется с ответами на вопросы блоков 1, 3 и 5, в которых большинство признало свою принадлежность к калмыцкому этносу, подтвердило важность сохранения родного языка для себя и своих детей и высказалось за бережное отношение к воспроизводству традиций и традиционных ценностей.

Блок 6. «Россия и буддийский мир»

90,7% поддержали тезис о том, что буддизм является органичной и неотъемлемой частью российской истории, историко-культурного наследия народов России. Для сравнения: осенью 2019 г. при проведении опроса¹ среди студенческой молодежи в трех российских буддийских республиках положительно на тот же вопрос ответили 75,3% респондентов из Калмыкии, 71,3% – из Бурятии и 70,1% – из Тувы [5, с. 42].

С утверждением о существовании такого феномена, как российский буддизм, согласились 69,2%. 77,3% из них обосновали свое согласие тем, что «буддизм традиционно исповедуется российскими народами (бурятами, калмыками, тувинцами)»; 48,5% – тем, что «буддизм – это одна из основных религий России»; 35,5% – «Россия – единственная страна в Европе, в которой буддизм является традиционной религией»; 24% – «буддизм занимает важное место в российском цивилизационном пространстве России»; 9% – «буддизм близок русской культуре, менталитету». При опросе 2019 г.

¹ По проекту РНФ «Россия и буддийский мир в дискурсе философского востоковедения».

студентов буддийских регионов России значительная доля респондентов также согласилась с утверждением о существовании феномена российского буддизма: в Калмыкии – 69%, в Туве – 63%, в Бурятии – 59% [5, с. 43].

Схожие данные, полученные в исследованиях 2019 и 2025 г., свидетельствуют о присутствии в общественном сознании населения Калмыкии идеи об органичной связи мировой буддийской религии с российской историей и российскими народами, а также о существовании российского варианта буддизма. Следует отметить, что историко-культурная общность России и буддийского мира, вопросы взаимоотношений России с буддийским миром в целом, буддийской дипломатии в контексте полицентричного мира находятся в центре внимания Международных буддийских форумов в России (Бурятия, 2023; Бурятия, 2024; Калмыкия, 2025; Тува, 2026) [1; 4].

Блок 7. «Россия и монгольский мир»

В сознании большинства (72,2%) Россия исторически и географически предстает как евразийское государство, объединяющее в себе и европейские, и азиатские народы и культуры. Другие образы России характеризуются гораздо меньшим числом приверженцев: «Россия – это самобытная цивилизация, не похожая ни на Запад, ни на Восток» – 21,4%, «Россия, прежде всего, это часть Европы» – 5,3%, «Россия, прежде всего, это часть Азии» – 1,1%.

С тем, что монгольские народы России являются органичной, неотъемлемой частью российской цивилизации и российского государства, согласились 90,4% опрошенных. Чуть меньшее число участников опроса (80%) ответило утвердительно на вопрос «Можно ли говорить о том, что монгольские народы России выступают связующим звеном между Россией и Монголией / Внутренней Монголией?». Из них 81,2% считают, что у этих двух стран есть общие исторические и культурно-конфессиональные корни, которые могут послужить межгосударственному сотрудничеству; 44,2% полагают, что России важно укреплять связи со странами Востока, 41,5% – что «в современном мире особенно важен диалог культур»; 30,0% – «Россия как евразийское государство является одним из центров современного мира».

95,5% опрошенных никогда не были ни в Монголии, ни во Внутренней Монголии (КНР), при этом хотели бы их посетить 76,7%. 80% из них желали бы побывать в Бурятии, Монголии и/или Внутренней Монголии с целью туризма, 64,9% – ради паломничества по святым буддийским местам, 12,2% мечтают съездить туда в гости, а 6,6% и 5,2% – по бизнесу/работе и для получения образования соответственно.

Представленные данные свидетельствуют о том, сколь важное место в калмыцкой идентичности занимают идея российского государства как «евразийского», чувство принадлежности к монгольскому миру

и убежденность в особой роли монгольских народов России, способствующих укреплению межгосударственного диалога нашей страны с Китаем и Монголией.

Заключение

Архитектура современного мира, отличающаяся усложняющейся мозаичностью, культурным и цивилизационным многообразием, уже не может быть только «европоцентристской». Актуализируются идеи равноправного диалога и полицентричного мира. Особого внимания заслуживают взаимоотношения «Восток-Запад», которые имеют долгую историю эволюции и приобретают сегодня новые характеристики. Важное значение данный дискурс имеет для России, поскольку Восток для России – составляющая самой российской цивилизации, где своеобразный «исход к Востоку», востоковедческие традиции имеют глубокие исторические корни. Российское востоковедение – это самопознание евразийской России, осмысление исторического прошлого, настоящего и будущего ее народов.

Обращение к анализу идентичности калмыцкого этноса, его историко-культурных взаимосвязей с монгольским и буддийским мирами имеет важное значение в контексте поиска новых моделей межгосударственного культурного сотрудничества России со странами Азии и Востока.

В структуре идентичности калмыцкого этноса можно выделить два контура – внутренний и внешний. Внутренний контур образован сочетанием этнокультурного и гражданского уровней идентичности и обеспечивает высокую включенность национально-регионального сообщества в общероссийский контекст, имеющий принципиально важное значение для консолидации всего российского общества. В свою очередь внешний контур связан с наличием у калмыцкого этноса культурно-конфессиональных центров притяжения за пределами Российской Федерации (Монголия, Китай). Конфессиональная, цивилизационная и этнокультурная идентичности калмыков выходят за пределы российского социокультурного пространства, включая в себя исторические связи с буддийским и монгольским мирами.

Это делает калмыцкий этнос (так же, как бурятский и тувинский) своеобразным связующим звеном, цивилизационно-культурным мостом между Россией и Востоком, Россией и Азией.

Несмотря на территориальную и страновую локализацию/разобщенность (Монголия, Китай, Россия), глобальные процессы деэтнизации и культурно-интеграционного нивелирования, монголы мира продолжают сохранять свою общую культурную и историко-генетическую идентичность, демонстрируя уникальный пример надгосударственного и надграницного единства.

Исследование идентичности монгольских народов важно для решения проблем их современной самоидентификации, а также и для позиционирования относительно глобальных изменений, происходящих в мире. Современные идентитарные исследования могут помочь ответить на вопрос, что происходит внутри культуры монгольских этносов мира в современных социокультурных условиях, исследовать глубинные социальные процессы, определить возможные «сценарии» их дальнейшего развития.

Библиографический список

1. Бадмаев В. Н. Интеллектуальное паломничество в буддизм // Азия и Африка сегодня. 2024. № 12. С. 73–76. DOI: 10.31857/S0321507524120092; EDN: LIXRYH.
2. Бадмаев В. Н. Национальная идентичность в поликультурном пространстве Юга России. Элиста: КалмГУ, 2012. 80 с.
3. Бадмаев В. Н., Пурэвсурэн Б. Феномен идентичности и этнокультурное многообразие народов в регионе (по материалам социологического исследования в Республике Калмыкия) // Вестник Калмыцкого ун-та. 2019. № 4(44). С. 108–114. EDN: JLXBIV.
4. Бадмаев В. Н., Уланов М. С. «Дух Дхармы» и буддийская дипломатия // Азия и Африка сегодня. 2026. № 1. С. 78–82. DOI: 10.7868/S2782238926010093; EDN: FUBSMO.
5. Бадмаев В. Н., Уланов М. С. и др. Россия и буддийский мир глазами молодежи Тувы, Бурятии и Калмыкии (по материалам социологического опроса) // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/904/1294> (дата обращения: 27.04.2026.). DOI 10.25178/nit.2020.1.3; EDN: BRZUKJ.
6. Железняков А. С. Монгольская цивилизация. История и современность. Теоретическое обоснование атласа. М.: Весь Мир, 2016. 288 с.
7. Железняков А. С., Тикунов В. С. Монгольский мир: методы исследования. М.: ИС РАН, 2014. 152 с.
8. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 430 с.
9. Кальдинова Г. П., Нуксунова А. М. Этнокультурная идентичность студенческой молодежи Калмыкии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 6(112). С. 23–27. EDN: PLBVKL.
10. Монгольский мир: между Востоком и Западом / Под ред. Ю. В. Попкова, Ж. Амарсаны. Новосибирск: Автограф, 2014. 351 с.
11. Мунянова Б. М. Национальное самосознание и этническая самоидентификация студенческой молодежи // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 58–68. EDN: LKXMRV.

12. Намруева Л. В. Изменяющаяся идентичность современных калмыков (анализ анкетных опросов 2017, 2020 гг. в Калмыкии) // Бюллетень КалмНЦ РАН. 2020. № 1. С. 196–203. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-196-203; EDN: UFTCUH.
13. Намруева Л. В. Как калмыки знают свой язык // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 138–141. EDN: LTХAAV.
14. Пюрбеев Г. Ц. Калмыцкий язык // Языки мира: монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 73–87.
15. Российская идентичность и межэтнические отношения. Публичный дискурс и социальная практика / Отв. ред. И. М. Кузнецов, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 434 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022; EDN: WGDКYE.
16. Российское общество и вызовы времени. Кн. 8 / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2025. 352 с.
17. Россия и Монголия: цивилизационные аспекты модернизации (сравнительный анализ) / Отв. ред. А. С. Железняков, Т. Н. Литвинова. М.: ИС РАН, 2016. 196 с.
18. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / Отв. ред. Е. М. Арутюнова, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 288 с.
19. Тишков В. А. Идентичность – ресурс общественного развития // Вестник РАН. 2025. № 2. С. 94–103. DOI: 10.31857/S0869587325020106; EDN: AGKДGN.
20. Яхонтова Н. С. Монгольские языки // Языки мира: монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. С. 10–18.

Получено редакцией: 03.05.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бадмаев Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник

Уланов Мерген Санджиевич, доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник

Кальдинова Галина Павловна, кандидат социологических наук, заведующий отделом социологических исследований

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.11

The Identity of the Kalmyk Ethnic Group: Internal and External Contours¹

Valeriy N. Badmaev

Southern Scientific Center of the RAS, Rostov-on-Don, Russia

¹ The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-48-03004.

badmav07@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1066-8314

Mergen S. Ulanov

Southern Scientific Center of the RAS, Rostov-on-Don, Russia

ulanov1974@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6749-7424

Galina P. Kaldinova

Institute of Complex Research of Arid Areas, Elista, Russia

gala758@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7070-1396

For citation: Badmaev V. N., Ulanov M. S., Kaldinova G. P. The Identity of the Kalmyk Ethnic Group: Internal and External Contours. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 206–221. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.11; EDN: LSRAYG.

Abstract. As part of the Russian Science Foundation project “Identity of Mongolian Peoples in a Polycentric World,” researchers from the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, together with colleagues from the Institute for Comprehensive Research of Arid Territories, conducted a large-scale sociological survey in the Republic of Kalmykia in 2025 to examine perceptions of the identity of Mongolian peoples among the republic’s population.

The project aims to study the transformation of Mongolian peoples’ identities in a polycentric world. The empirical part of the sociological study consists of a quantitative survey of Kalmyk residents.

The sociological analysis shows that the identity of the Kalmyk ethnic group is defined by its internal and external contours. While the internal contour is characterized by a seamless blend of ethnocultural and civic levels of identity, and the high level of inclusion of the national-regional community in the pan-Russian context (“I am Russian, and a Kalmyk at that”), which is fundamentally important for the consolidation of Russian society as a whole, the external contour is associated with the fact that the Kalmyk ethnic group, while undoubtedly possessing a pan-Russian identity, also has cultural and religious centers of attraction outside the Russian state (Mongolia, China), representing fragments of other local civilizations (Buddhist, Mongolian) integrated into Russia. The Kalmyk people’s religious, civilizational, and ethnocultural identity extends beyond the Russian sociocultural space. Therefore, the Kalmyk ethnic group (like the Buryat and Tuvan communities) serves as a unique connecting link, a civilizational and cultural bridge between Russia and the East, Russia and Asia.

Despite territorial and national localization (disunity) (Mongolia, China, Russia), global processes of de-ethnization and cultural integration leveling, the world’s Mongols continue to preserve their unified cultural and historical-genetic identity, representing a unique example of supranational and transborder unity. Globalization processes have posed new challenges for the Mongolian peoples of the world related to their awareness of national identity and the level of cohesion among the numerous civilizational groups of the Mongolian world, sharing similarities in language, religion, history, culture, and value systems, in the context of an emerging polycentric world.

Keywords: ethnic identity, Kalmyk ethnicity, Republic of Kalmykia, Mongolian peoples, Mongolian world, Buddhist world

References

1. Badmaev V. N. An Intellectual Pilgrimage to Buddhism. *Aziya i Afrika Segodnya*, 2024: 12: 73–76 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0321507524120092; EDN: LIXRYH.

2. Badmaev V. N. Nacionalnaya identichnost' v polikulturnom prostranstve Yuga Rossii [National identity in the multicultural space of Southern Russia]. Elista, KalmGU, 2012: 80 (in Russ.).

3. Badmaev V. N., Purevsuren B. The Phenomenon of Identity and ethnocultural Diversity of Peoples in the Region (on the Materials of sociological Research Carried out in the Republic of Kalmykia). *Vestnik Kalmytskogo un-ta*, 2019: 4(44): 108–114 (in Russ.). EDN: JLXBIV.

4. Badmaev V. N., Ulanov M. S. The «Spirit of Dharma» and Buddhist Diplomacy. *Aziya i Afrika segodnya*, 2026: 1: 78–82 (in Russ.). DOI: 10.7868/S2782238926010093; EDN: FUBSMO.

5. Badmaev V. N., Ulanov M. S. et al. Russia and the Buddhist world through the eyes of youth in Tuva, Buryatia and Kalmykia: a sociological survey and its outcomes. *Novye issledovaniya Tuvy*, 2020: 1 (in Russ.). DOI: 10.25178/nit.2020.1.3; EDN: BRZUKJ.

6. Zheleznyakov A. S. Mongolian Civilization: History and Modernity. Theoretical Framework for the Atlas. Moscow, Ves Mir, 2016: 288 (in Russ.).

7. Zheleznyakov A. S., Tikunov V. S. The Mongolian World: Research Methods. Moscow, IS RAN, 2014: 152 (in Russ.).
8. Ilin I. A. Put k ochevidnosti [The path to obviousness]. Moscow, Respublika, 1993: 431 (in Russ.).
9. Kaldinova G. P., Nuksunova A. M. Etnokulturnaya identichnost studencheskoj molodezhi Kalmykii [Ethnocultural identity of student youth in Kalmykia]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i socialnye peremeny*, 2012: 6: 23–27 (in Russ.). EDN: PLBVKL.
10. The Mongolian world: between East and West. Ed. by Yu. V. Popkov, Zh. Amarsanaa. Novosibirsk, Avtograf, 2014: 351 (in Russ.).
11. Munyanova B. M. Nacionalnoe samosoznanie i etnicheskaya samoidentifikaciya studencheskoj molodezhi [National self-awareness and ethnic self-identification of student youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009: 9: 58–68 (in Russ.). EDN: LKXMRV.
12. Namrueva L. V. The Changing Identity of Modern Kalmyks (2017, 2020 Survey Analysis in Kalmykia). *Byulleten KalmNC RAN*, 2020: 1: 196–203 (in Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2020-1-13-196-203; EDN: UFTCUH.
13. Namrueva L. V. Kak kalmyki znayut svoj yazyk [How do Kalmyks know their language]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2010: 4: 138–141 (in Russ.). EDN: LTXAAV.
14. Pyurbeev G. Ts. Kalmytskij yazyk [Kalmyk language]. In *Yazyki mira: mongolskie yazyki. Tunguso-manchzhurskie yazyki. Yaponskij yazyk. Korejskij yazyk* [Languages of the world: Mongolian languages. Tungusic-Manchu languages. Japanese language. Korean language]. Moscow, Indrik, 1997: 73–87 (in Russ.).
15. Russian Identity and Interethnic Relations: Public Discourse and Social Practice. Ed. by I. M. Kuznetsov, S. V. Ryzhova. Moscow, FNISTs RAN, 2022: 434 (in Russ.). DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-404-8.2022; EDN: WGDKEYE.
16. Russian Society and the Challenges of the Time. Book 8. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moskva, Ves` Mir, 2025: 352 (in Russ.).
17. Russia and Mongolia: Civilizational Aspects of Modernization (Comparative Analysis). Ed. by A. S. Zheleznyakov, T. N. Litvinova. Moskva, IS RAN, 2016: 196 (in Russ.).
18. Soderzhatelnye osnovy rossijskoj identichnosti. Regionalnyj i etnokulturnyj kontekst [The substantive foundations of Russian identity. Regional and ethnocultural contexts]. Ed. by E. M. Arutyunova, S. V. Ryzhova. Moskva, FNISTs RAN, 2021: 288 (in Russ.).
19. Tishkov V. A. Identity – a resource for social development. *Vestnik RAN*, 2025: 2: 94–103. (in Russ.). DOI: 10.31857/S0869587325020106; EDN: AGKDG N.
20. Yakhontova N. S. Mongolskie yazyki [Kalmyk language]. In *Yazyki mira: mongolskie yazyki. Tunguso-manchzhurskie yazyki. Yaponskij yazyk. Korejskij yazyk* [Languages of the world: Mongolian languages. Tungusic-Manchu languages. Japanese language. Korean language]. Moskva, Indrik, 1997: 10–18 (in Russ.).

The article was submitted on: May 3, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valeriy N. Badmaev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher

Mergen S. Ulanov, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher

Galina P. Kaldinova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Department of Sociological Research